

Екатерина Беспалова

## Пожить в Париже и...

Пятьдесят километров по Парижу за сто часов без трех мушкетеров и Бурбонов, но с круассанами и крепами, арманьяками и даже козаками.

Nous ne parlons pas français, а лишь падам-падам-падам-иларив-энкурандерьер-муа с женаманшпасисжур. Пока молоды, мы поспешили пожить хоть немножко в Париже, припомнив, как Хемингуэй утверждал, что «Если тебе повезло, и ты в молодости жил в Париже, то где бы ты ни был потом, он до конца дней твоих останется с тобой, потому что Париж – это праздник, который всегда с тобой». Как и Хэм, мы поселились в Латинском квартале, именно на том пяточке, где на 37 rue de la Vûcherie работает культовый книжный магазин Shakespeare & Company, якобы более ста лет торгующий книгами на известном нам английском. Возле магазина-кофейни всегдалюдно, так как путеводители и экскурсоводы рассказывают, что именно здесь Хемингуэй познакомился с книгами русских писателей и впервые прочел «Войну и мир», но на самом деле с этим магазином почти такая же история, как с одесским «Гамбринусом». Не совсем тот и не совсем там. Современный Shakespeare & Company здесь действительно уже более шестидесяти лет, сюда заходили Аллан Гинзберг и Уильям Берроуз, а владелец лишь переименовал свой магазин, воспользовавшись громким и популярным названием Shakespeare & Company закрывшегося в 1940.

Вот именно в том аутентичном магазине-библиотеке на 12 rue Odeon бывал не только Хэм, но и Фицджеральд, Рильке, Кокто, Джеймс Джойс и Гертруда Стайн, там продавались запрещенные «Улисс» и «Любовник леди Чаттерлей», а тамошняя атмосферная

тусовка описана в «Празднике, который всегда с тобой». А вот делать заметки Хэм предпочитал в кафе на бульваре Сен-Жермен в 1920-х, где мы непременно отметились с бокалом бордо. Кстати, затем мы отправились на Вандомскую площадь, чтобы взглянуть на колонну с Наполеоном и отель «Ритц». В 1956 Чарлз Ритц вернул Хэму его чемодан Louis Vuitton, оставленный в отеле более двадцати лет назад. На дне чемодана Хэм обнаружил свои заметки, считавшиеся утерянными. Вот таков он, Ритц! Иначе могло бы и не быть



«Праздника, который всегда с тобой». Не зря «Ритц» предпочитали Грета Гарбо и Марлен Дитрих, Пехлеви и Эдуард VII, Чарли Чаплин и Фитцджеральд. Коко Шанель прожила в этом отеле тридцать лет, а Герман Геринг выбрал его в качестве своей штаб-квартиры.

Нон-женерегеретерьен... Тут мне хочется вернуться с правого берега обратно на левый, и в этот раз пересечь Сену с Севастопольского бульвара и Сите через два моста – мост Менял и мост Сан-Мишель, упирающийся в одноименную площадь с потрясающим и, как говорят, самым высоким парижским фонтаном. Отсюда видна набережная Орфевр, и лично мне вчера с радостью мерещился спешащий на работу комиссар Мегре. Сегодня мост Менял примечателен лишь буквой N (в честь Наполеона III). Мост Менял, как и весь центр Парижа подвергся глобальной реконструкции при бароне Османе в середине XIX века, но воображение позволяет представить себе сотни лавочек и магазинчиков, в одном из которых спит злодей парфюмер Гренуй.

Бэээээллль... А из нашего окна... была чайка толстая видна, а не только пострадавший Нотр-Дам и, как утверждают парижане, самое старое дерево Парижа – ложная акация, именно такая,

как наши одесские, именно такая, какие положено называть робиниями вслед за французскими садовниками Жаном и Веспасианом Робенами (Robin), которые завезли растение в Европу и посадили праматерь всех наших акаций в парижском сквере Рене Вивиани. Нам, выбравшим отель, располагающийся в здании 1640 года постройки, нравилось верить парижанам, что дерево было посажено в 1601.

Собор Парижской Богоматери... Говорят, что лучший вид на Нотр-Дам из сквера, но на самом деле из нашего окна. Нотр-Дам нуждался в реставрации в начале XIX века, но до этого не доходили руки властей. Около сорока страниц у Виктора Гюго... не опубликовал бы он в 1832 свой роман,

сделав собор одним из главных персонажей, мог бы и не дожить собор до наших дней. Не секрет, что в восстановлении собора после пожара участвует не только Франция, но и весь мир.

Лично мне кажется, что и в этой сегодняшней масштабной поддержке большая заслуга Гюго. Ведь на самом деле и в мире, и в самом Париже, буквально в двух шагах от Нотр-Дама, сохранилось много не менее примечательных готических храмов с весомой исторической ценностью. Вот прямо тут в сквере маленькая Сен-Жюльен-ле-Повр – ровесница Нотр-Дама, куда заходили Аквинский, Данте и Рабле, а рядом с ней Сан-Северин XIII-XV веков с удивительной пламенеющей готикой и маленьким старым кладбищем. Хотите верьте, хотите нет, но утверждают, что на этом церковном кладбище в 1474 хирурги впервые удали-





ли камень из почки живому человеку. Пациент, приговоренный к смертной казни за воровство, был изабвлен от боли и помилован.

Пароле-пароле... Топоним «Латинский квартал» появился благодаря Сорбонне, где обучение велось сугубо на латинском языке. Сама же Сорбонна названа в благодарную память монаха Робера Сорбона, открывшего в XIII веке на месте престижного университета колледж богословия для неимущих. Однако могла бы Сорбонна называться и Ришельевским лицеем, как у нас в Одессе, поскольку легендарный кардинал Ришелье был не только ее славным выпускником, но и крупным меценатом заведения, а впоследствии стал ее директором. По своему завещанию Ришелье похоронен в крипте университетской церкви, куда одесской профессуре попасть не представилось возможным. Тем не менее при желании отдать честь и поклониться великим французским ученым и писателям можно в пяти минутах ходьбы в Пантеоне.

Пантеон. «Великим людям – благодарное Отечество». Бессознательно замолкаешь от величия. Храм культа науки и искусства.

Пантеон был возведен по обету Людовика XV как церковь Святой Женеьевы – покровительницы Парижа. Оправившись от серьезной болезни, король пожелал построить новый храм. Однако к окончанию строительства в 1790 монархия была свергнута, и революционное правительство предпочло использовать храм как «Усыпальницу великих людей страны». Здесь похоронен Виктор Гюго, а рядом покоятся Дюма и Золя, Брайль, супруги Кюри и Вейль, Вольтер, Руссо и др. Именно здесь Фуко показал эксперимент с маятником, который и сегодня наглядно демонстрирует суточное вращение Земли. Я пока недоуменно изучаю заслуги Жозефины Бейкер (1906-1975), перезахороненной в Пантеон в 2021 по инициативе президента Макрона. Ну и в целом разбираюсь в хронологии Меровингов, Каролингов, Капетингов, Валуа, Бурбонов, уяснив для себя, что надо идти обратно в Сите, с которого, собственно, и начинался Париж. Идти обязательно через Пон-Нёф – старейший мост Парижа (1607).

Томбелянэже... туневьендрапасесуар... Остров Сите похож по форме на кораблик, поэтому кораблик и изображен на гербе Парижа. Девиз города меня покори́л: «*Fluctuat nec mergitur*», что означает «Его качает, но он не тонет».

И снова правый берег! В район Маре через «Чрево Парижа», которое пришлось поискать и не удалось найти, поскольку уже к сере-

дине XX века злачные кварталы были модернизированы при расширении метрополитена. К тому же мы вполне быстро, дня за два, разобрались, что «Чрево Парижа» – не Лез-Ай (Les Halles), а Ле-Аль. Сегодня это лишь огромный торговый центр, а от колоритного рынка с остатками кладбища, где родился Жан-Батист, будущий парфюмер, остались лишь фрагменты воспоминаний в строках Золя. Ну и само собой, еще одна роскошная готическая церковь Сент-Эсташ и Фонтан невинных.





Пора-пора-порадуемся-на-своем-веку-красавице-и-кубку-счастивому-клинку... Путь к площади Бастилии мы, конечно, проложили через изысканную квадратную площадь Вогезов мимо потрясающей барочной церкви Сен-Поль-Сен-Луи, в которой в 1843 вышла замуж дочь Гюго Леопольдина, а в романе «Отверженные» состоялась свадьба Мариуса и Козетты. На площади Вогезов мы задержались, потому что я не могла поверить, что на доме № 21 нет ну никакой таблички о том, что тут достаточно долго трудился Ришелье. А вот в дом № 6 мы заглянули. В этот особняк Дюма поселил Миледи, но этой оболъстительной шпионкой кардинала там и не пахнет, поскольку сегодня это милейший бесплатный дом-музей Виктора Гюго, снимавшего квартиру на втором этаже с 1832 по 1848.

Мон-мэк-амуа-ил-мэ-парль-давантюре... Следовало бы от Дома Инвалидов, где в конце концов Наполеон нашел свой вечный покой, охраняемый шестью гробами-саркофагами под самым куполом, прошествовать по мосту Александра III в Елисейские

сады, но, видимо, в следующий раз. Иначе не получилось бы прошагать под двумя триумфальными арками, посмотреть на Эйфелеву башню с разных ракурсов – Марсова поля и Трокадеро, заскочить в Орсе, Бодур, Карнавале. Не сложилось и с каштанами на площади Конкорд в пользу фондю, раклет и пиерады. Прогулки по роскошным парижским садам зимой вполне неплохо заменять пассажами, но одесситкам было бы непристойно обойти аутентичный Пале-Рояль близ Лувра и не обойти со всех сторон их, надо признать, не менее потрясающий театр Оперу Гаранье.

Эсетюнэкзистэпа... Париж без Монмартра – как Одесса без Дерибасовской. С бульвара Клиши мы побродили маршрутами Амели, отметились у Стены Любви, разглядели уже третий из ста восьми фонтанчиков Уоллеса на площади Аббесс напротив уникальной церкви Иоанна Евангелиста, потоптались у «корабля-прачечной» Бато-Лавуар, где некогда квартировали Модильяни, Пикассо, Аполлинер, а к ним захаживали Брак, Матисс, Кокто и Гертруда С., быстренько выпили глинтвейн на площади Тертр у легендарного кафе «У матушки Катрин», где голодные козачки просили, чтоб им быстро-быстро принесли вина и закуску, и пришли на вечернюю службу в базилику Сакре Кер, с холма у которой открывается один из самых роскошных видов Парижа.

Париж – пристойный рай для курильщиков, где можно выпить бокал вина с вкуснейшими улитками или устрицами и с сигаретой (!) почти в любом колоритном кафе, уютно разглядывая парижских прохожих, учиться у них французскому модному шарму – без кроссовок, джинсов и пуховиков, но с разноцветными шарфами, пальто, начищенными до блеска туфлями, сапогами с каблучками, юбками и брюками, шляпками и беретами, улыбками на лицах без архидлинных ресниц и мегапухлых губ и с легким шлейфом дорогих духов.

Фото автора

